

В.Р. Новоселов

ДУЭЛЬ ВО ФРАНЦИИ XVI–XVII ВЕКОВ

Тема дуэли, неразрывно связанная с историей дворянского сословия, до сих пор остается мало освещенной в отечественной историографии дворянства. Если в последнее время усилился интерес к истории российского дворянства и традициям русской армии, следствием чего стало появление исследований по проблеме истории дуэли в России¹, то изучение места дуэли в истории западноевропейского дворянства пока еще не получило отдельного места в отечественной исторической литературе. Это в полной мере относится к истории французского дворянства, хотя именно во Франции XVI–XVII вв. дуэль в дворянской среде приобрела массовый характер, став существенным элементом дворянской субкультуры. В современной французской историографии истории элит феномену дуэли уделено значительное внимание, существует фундаментальная монография Ф. Биллакуа, в которой тема дуэли подверглась детальному и многоплановому анализу; к теме дуэли неоднократно обращались многие историки, занимающиеся историей дворянства и элит общества².

Тем не менее, в истории дуэли ряд аспектов остаются малоизученными. В первую очередь это касается реальной дуэльной практики XVI в.: правил проведения поединка и дуэльного кодекса чести. При всем разнообразии источников по данной проблематике, картина остается весьма неполной: поскольку дуэль являлась серьезным преступлением, иногда подвергавшимся весьма суровому наказанию, факты поединков всячески скрывались, в то же время официальное расследование дуэлей часто встречало сопротивление высокопоставленных покровителей дуэлянтов, что в совокупности приводит к сложностям в оперировании статистическим материалом. Памфлетная антидуэльная литература и законодательные акты властей позволяют более судить об официальной позиции, общественной дискуссии и восприятии дуэли в обществе, чем о реальном положении дел. Отражение темы дуэли в частной переписке и мемуарной литературе весьма фрагментарно: авторы, относящиеся к дуэли положительно, тем более описывающие

конкретные поединки и дуэльные правила, как, например, Пьер Брантом, посвятивший размышлениям о дуэлях отдельный том своих мемуаров, являлись скорее редким исключением из правил. Те, кто сам на практике знал, что такое дуэль, и даже сам участвовал в поединках, редко брались за перо. По меткому замечанию автора одного из дуэльных трактатов, Сципиона Дю Плеи, для людей такого рода пером служит шпага, чернилами – кровь, а бумагой – тела их противников³. Широко распространившиеся во второй половине XVI в. теоретические дуэльные трактаты, в первую очередь итальянского происхождения, также далеко не всегда отражают нормы, употреблявшиеся в реальных поединках, поскольку между письменной культурой и практикой существовал существенный разрыв (далеко не все дворяне испытывали тягу к чтению или же умели читать). Поэтому единственно правильным подходом к исследованию темы дуэли является комплексное изучение всего имеющегося массива источников, а также привлечение новых источников, например, писем королевских прощений дуэлянтам, в которых иногда дается описание обстоятельств поединка и образа действий его участников. Данная статья ставит своей целью привлечь внимание отечественных историков к феномену дуэли, его месту в дворянской культуре и общественной жизни Франции XVI–XVII вв., а также является попыткой выявить наиболее характерные и существенные особенности дуэли в XVI в., когда поединки во Франции становятся одним из наиболее ярких явлений общественной жизни.

В характеристике западноевропейского дворянства дуэль занимает важное место, прочно ассоциируясь с такими понятиями как честь, благородство, рыцарский кодекс. Это явление с XVI в., т.е. с самого момента своего возникновения, сопровождало всю историю существования этого сословия вплоть до XX в., несмотря на преследования закона, остававшимся, впрочем, весьма толерантным к этому “благородному преступлению”. Даже Людовик XIV, которого современники превозносили как победителя дуэлей и чье законодательство отличалось драконовскими наказаниями для участников поединков, особенно военных, когда дело касалось его личного полка, безжалостно изгонял из него тех офицеров, которые отказывались от участия в дуэли, предпочитая ей закон и дисциплину. Сам же Людовик XIV во время войны за Испанское наследство бросил вызов на поединок императору Леопольду⁴. В марте 1778 г. в Булонском лесу на дуэли дрались против друг друга даже два принца крови: граф д’Артуа и герцог Бурбон; когда после дуэли они появились в ложе Оперы, зал устроил им овацию⁵. Во Франции XIX – начала XX в. дуэль даже стала своего рода модой не только в среде армейских офицеров и отпрысков дворянских родов, но и юристов, журналистов, литераторов и политиков, среди которых репутацией заправских

¹ Гордин А.Я. Дуэли и дуэлянты. СПб. 1996; Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб., 1998.

² При всей многочисленности литературы, посвященной дуэлям, число собственно научно-исторических исследований достаточно ограничено. Наиболее существенными из них автору представляются следующие исследования, появившиеся в основном с 60-х годов XX в., когда постепенно стал усиливаться интерес к истории элит, их социокультурным и социопсихологическим характеристикам. См.: *Billacois F. Le duel dans la société française des XVI–XVII siècles.* P., 1986; *Cuenin M. Le duel sous l’Ancien Régime.* P., 1982; *Morel H. La fin du duel judiciaire en France et la naissance du point d’honneur // Histoire du Droit Français et Etranger.* 1964. P. 574–639; *Schalk E. L’épée et le sang.* P., 1996; *Kiernan V.G. The duel in European history: Honour and the reign of aristocracy.* Oxford, 1989.

³ *Du Pleix S. Les loix militaires touchant le duel.* P., 1602. P. 196.

⁴ *Billacois F. Op. cit.* P. 305.

⁵ *Ibid.* P. 312.

дуэлянтов пользовались Ламартин, Кавеньяк, Жорес и Клемансо; в Бурбонском дворце к услугам депутатов парламента был фехтовальный зал и учителя фехтования, и нередко прения в зале заседаний заканчивались поединком⁶. Славой истовых дуэлистов пользовались студенты и преподаватели университетов, особенно в Германии, не забывавших перед поединком продезинфицировать клинки шпаг; шрам на лице, полученный на дуэли, считался украшением мужчины, знаком его мужества и чести. В России специальным указом по военному ведомству в мае 1894 г. в целях воспитания корпоративной офицерской чести была узаконена дуэль между офицерами. Поединки такого рода, проводившиеся в строгом соответствии с дуэльными кодексами, широко распространившись в середине XIX в., редко заканчивались не только смертельным исходом, но даже легким ранением, дуэль стала своего рода формальностью, призванной дать сторонам сатисфакцию уже самим актом своего проведения вне зависимости от результата. Именно эти дуэли вкупе с романами авторов вроде А. Дюма сформировали в массовом историческом сознании представление о дуэли как о своего рода рыцарском ритуале, непременном атрибуте дворянского кодекса чести.

Дуэль в современном понимании – это поединок с применением оружия между двумя лицами по вызову одного из них и согласно предусмотренным правилам, дуэльному кодексу⁷. Однако на протяжении всего своего существования и правила проведения дуэли, и сами представления о чести и благородстве, подвергались постоянным изменениям; в этом отношении дуэль, как историческое явление, отражает существенные черты развития европейского общества, прежде всего менталитета и идеологии дворянского сословия и офицерского корпуса.

Традиция решения спорных вопросов в честном поединке существовала всегда и во все времена. Авторы дуэльных трактатов XVI в. относили к историческим примерам дуэлей поединки Давида и Голиафа, Гектора и Ахилла, Горациев и Куриациев. Известно, что и во времена Гомера существовала практика единоборства между бойцами двух враждующих армий, но между собой граждане одного полиса предпочитали решать свои частные конфликты в суде, а не с оружием в руках в поединке. Эпоха античности, с ее развитой юридической системой и отсутствием сословных правовых и судебных привилегий (да и самого военного сословия) не знала ничего похожего на дуэль. Подобная практика возникает в Европе только в эпоху раннего средневековья и утверждается в варварских государствах в виде одной из разновидностей ордалий – испытания Божьим судом. Считалось, что в таком поединке победа одерживается не силой оружия, а силой правды – Бог помогает правому, как он помог Давиду одолеть Голиафа. В XI–XII вв. судебный поединок прочно укореняется в местных кутюмах, к нему прибегают не

⁶ Ibid. P. 313.

⁷ Словарь исторических терминов. СПб., 1998. С. 72.

только миряне, но и иерархи церкви, например, в спорах за церковное имущество. В XIII–XIV в. во Франции короли предпринимали неоднократные попытки запретить или сократить практику судебных поединков. Филипп Красивый ордонансом 1306 г. ограничил право прибегать к судебному поединку. Он мог быть разрешен только королем или Парижским Парламентом; по гражданским делам и делам об имуществе судебный поединок был полностью запрещен. Он мог быть разрешен истцу только по уголовному делу при наличии следующих условий: 1) преступление должно быть тяжелым, и наказанием за него предполагалась смертная казнь (преступление против государя, убийство, изнасилование, клятвопреступление и т.д.); 2) для подозрений конкретного лица должны быть серьезные основания, а преступление должно быть очевидным; 3) виновность обвиняемого не может быть доказана никаким другим образом (свидетельские показания, улики и т.д.)

На поединок нельзя было вызвать духовное лицо, калеку, старика, но эти категории лиц могли при желании выставить кого-либо вместо себя (так называемого “чемпиона”). Проигравший или сдавшийся считался виновным в преступлении (при этом поражение участника поединка служило доказательством его вины, а его смерть или тяжелое ранение вовсе не было самоцелью или формой сатисфакции). Он наказывался в соответствии с тяжестью содеянного, его имя покрывалось позором и бесчестьем согласно официально установленной процедуре и ритуалу⁸.

Одновременно с практикой судебного поединка, который первоначально не имел никакого отношения к рыцарской этике и ритуалу, существовала практика рыцарского поединка. Это мог быть как поединок для тренировки умения владеть оружием – например, турнир, – так и единоборство на поле боя во время сражения или же поединок ради “рыцарской славы и прекрасных дам”. Здесь могло не существовать никаких ограничений, призванных уберечь участников от гибели или увечий (условия проведения боя согласовывались сторонами до схватки). Такие бои “до крайности” (*bataille à outrance*) были широко распространены между бойцами враждебных армий во время войн англичан с шотландцами и во время Столетней войны между французскими, бретонскими и английскими рыцарями⁹. Это были как столкновения один на один, так и настоящие подобие сражения между равными по количеству участников отрядами рыцарей. Подобно поединку Божьего суда для победы следовало вести своего противника “в крайность” (*outrager*), т.е. убить, нанести ранение, не позволяющее продолжать поединок, или принудить противника к сдаче. Это считалось более предпочтительным как наиболее соответствующее духу рыцарства, где все рыцари – собраться по единому ордену христианского воинства. Однако в таком

⁸ Messire Hardouin de la Jaille et autres écrits. Traités et advis de quelques gentilshommes françois sur les Duels et Gages de batail. P., 1586. P. 72.

⁹ Barber R., Barker J. Les tournois. P., 1989. P. 46–48, 51–53, 135–136.

рыцарском поединке в отличие от судебного проигравший не терял свою честь, целью было не убийство противника (наказание смертью как результат в судебном поединке), а его пленение с последующим освобождением за выкуп, при этом победитель мог обходиться с проигравшим только в рамках, установленных традицией. Практика рыцарского поединка дожила до XVI в. и благодаря подвигам Пьера де Терайя Байарда – “рыцаря без страха и упрека”, чье имя стало нарицательным, а также французских рыцарей-полководцев Луи Ля Тремуя и Ля Паллиса обрела как бы второе дыхание. В то же время знаток рыцарских правил Оливье де Ла Марш уже в конце XV в. был вынужден констатировать, что вот уже 60 лет как поединок Божьего суда не проходил при дворах суверенных властителей Европы¹⁰. Однако чем реже проводятся такие поединки, тем тщательнее в трактатах отрабатываются детали церемониала и правила, регулирующие правовую сторону этого уже вполне театрализованного действия, рассчитанного на участие бойцов исключительно благородного происхождения. Попытки возрождения рыцарских традиций в правление короля Франции Франциска I и императора Священной Римской империи Максимилиана I применительно к поединку выразились не только в усиленном внимании к турнирным боям, но и к поединкам Божьего суда. Последние все более походят не на судебную процедуру, где цель все-таки определить виновность, а на зрелище, дающее участникам возможность проявить не только свои способности бойцов, но и рыцарские достоинства. Все чаще поединки заканчиваются тем, что король, исполняющий роль судьи, бросает на поле боя свой жезл, останавливая схватку. В этом случае оба бойца сохраняли и свою жизнь, и свою честь. Грань между правилами проведения судебного поединка и рыцарского поединка à outrance постепенно стирается.

Поединок мог послужить и способом решения политических задач. Франциск I, например, нашел в нем средство осуществления своих внешнеполитических целей. После своего пленения в битве при Павии он был вынужден подписать крайне невыгодный для себя Мадридский договор. Вернувшись во Францию, он обратился в Парламент, который вынес постановление о том, что король не имел права подписывать подобный договор, что и послужило формальным поводом отказать от соблюдения его статей. Император Карл V обвинил короля Франции в нарушении клятвы и королевского слова. В ответ на это Франциск I обвинил императора во лжи. Тогда император, в соответствии с рыцарскими правилами чести, бросает королю вызов на поединок, однако король, ссылаясь на несоблюдение формальностей (выбор оружия, верительные грамоты герольдов), уклоняется от боя, достигнув при этом основной своей цели: вопрос из области дипломатии и права переведен в область рыцарской этики¹¹. В этом случае интерес представляет и сле-

дующая деталь: король соглашался на поединок в рыцарском вооружении, тогда как император предлагал драться в рубашках, вооруженными только шпагами и кинжалами. Это сильно противоречит правилам, сохранившимся в рыцарских трактатах первой половины XVI в., однако, видимо, уже соответствует традиции, сформировавшейся в реальной практике поединка.

Громкую известность получил поединок Ги Шабо Жарнака и Франсуа де Вивона де Ла Шатеньере, также носивший явно выраженный политический характер. Жарнак был зятем герцогини д'Этамп, любовницы короля Франциска I, враждовавшей с лагерем дофина – будущего короля Генриха II и Дианой де Пуатье. Дофин распустил слух, намекающий на инцест между Жарнаком и госпожой д'Этамп. Жарнак опроверг обвинения, назвав человека, распускающего такие слухи лжецом. Дофин не мог лично ответить на это обвинение и вместо него это сделал его друг Ла Шатеньере. Он объявил, что Жарнак в личном разговоре сознался ему в интимной связи со своей тещей. Жарнак назвал Ла Шатеньере лжецом и получил от него вызов на поединок. В этом конфликте хорошо проявилась будущая расстановка политических сил: за Жарнака стояли Бурбоны и Монморенси, за Ла Шатеньере – Гизы.

Несмотря на личную заинтересованность, Франциск I сохранил положение арбитра и не дал разрешения на поединок. Дело тянулось целый год. Ла Шатеньере неоднократно предлагали воспользоваться услугами наемных убийц или же провести поединок тайно без королевского разрешения, на что тот не согласился¹². Но после смерти Франциска I, всего три недели спустя после своего вступления на престол¹³, новый король Генрих II отправил к Жарнаку королевского герольда Гиень с вызовом на поединок от Шатеньере. Шатеньере имел репутацию великолепного бойца, мастера клинка, и у короля, желавшего сделать этот поединок символом начала нового правления и превосходства над прежним окружением покойного короля (в первую очередь над его любовницей – госпожой д'Этамп), не было и малейших сомнений в его победе. Поединок пытались провести в полном соответствии с правилами Божьего суда. Перед поединком участники произнесли соответствующие ритуалу клятвы, их тела, доспехи, одежда и оружие были осмотрены на предмет наличия магических предметов и чар: вся церемония перед боем длилась около шести часов¹⁴. Бойцы были в полных доспехах, их вооружение состояло из меча и щита. Этот выбор оружия, который сделал Жарнак, в дальнейшем был поставлен в упрек секундантам Шатеньере (среди которых был и Блез де Монлюк), согласившимся на него. Щит и доспехи (особенно утяжеленный латный нарукавник для левой руки) не давали Шатеньере прибегнуть к броскам и захватам, в которых он был особенно силен и сильно затрудняли его дви-

¹² Brantome P. Oeuvres complètes. La Haye, 1740. Т. XI. P. 199.

¹³ Франциск I умер 31 марта 1547 г., а вызов был послан 25 апреля.

¹⁴ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. P., 1822. Т. XXVI. P. 201.

¹⁰ Messire Hardouin de la Jaille... P. 1.

¹¹ Billacois F. Op. cit. P. 23.

жения, поскольку его левая рука была повреждена выстрелом из аркебузы и не успела зажечь¹⁵. Во время поединка Жарнаку удалось воспользоваться моментом и подсесть колено своего противника. Король медлил остановить поединок броском жезла, видимо надеясь на то, что его ставленнику несмотря на тяжелейшее ранение удастся переломить ход схватки. Это промедление стоило тому жизни. Таким образом, этот поединок, произошедший всего за две недели до коронации короля в Реймсе¹⁶, вместо триумфа королевской партии стал ее поражением. Тем не менее, проигравший не считался потерявшим свою честь, болсе того именно Жарнак был вынужден удалиться от двора, опасаясь как королевской опалы, так и мести родственников и соратников убитого.

Несмотря на то, что монархи все реже стали предоставлять право на поединок и все чаще препятствовали их проведению, несанкционированные схватки в обход всех правил постепенно набирали силу. Первые меры против распространения дуэли во Франции стали предприниматься уже в правление Франциска I. Поединки, имеющие в своей основе оскорбление чести, впервые упоминаются (и это не случайно) в его ордонансах 1532 и 1539 г., посвященных правилам владения и ношения оружия. Видимо, уже тогда это явление стало принимать массовый характер, при этом грань между поединком и обычным вооруженным нападением была весьма зыбкой. Сразу же после своего вступления на престол в 1547 г., Генрих II был вынужден издать специальный ордонанс с весьма показательным названием “Против убийств, которые ежедневно происходят в нашем королевстве”¹⁷. Он был посвящен в первую очередь убийствам из засады (*guet-apens*) и внезапным вооруженным нападениям (*rixes*). По существу, эти убийства стали заменой частной войны и могли иметь под собой самые разные причины – от мести за убийство до устранения более удачливого соперника в любви. По свидетельству Брантома, ежедневные вооруженные стычки между многочисленными сторонниками враждующих кланов стали обычным явлением для городов Италии, Испании и Франции середины XVI в.; исходом такой стычки нередко становились десятки убитых и тяжело раненых с обеих сторон¹⁸. Эти стычки порой перерастали в небольшие сражения, в которых использовались все виды защитного и наступательного оружия, включая огнестрельное, а профессия наемного убийцы – “бравы” (*bravi*) в Италии или “эспадавана” (*espadassin*) во Франции и Испании – стала весьма доходной и широко востребованной со стороны дворянства¹⁹. Тексты королевских ордонансов тщетно декларируют желание монарха, “чтобы наши подданные в нашем королевстве чувст-

вовали себя без оружия в такой же безопасности, как с ним”. В этих условиях дуэль, определявшая рамки дозволенных средств и предоставлявшая сторонам хотя бы теоретически равные возможности, была большим прогрессом, который позволял создать механизм улаживания конфликтов между людьми, имевшими обыкновение пускаться в ход оружие, и избежать как всеобщего беспорядка, так и лишних жертв. Вполне естественно, что такие поединки не могли получить разрешения и одобрения со стороны властей даже в рамках обычая Божьего суда. Эти поединки по своей сути, правилам и мотивации сильно отличались от поединков прошлого, хотя они впитали в себя элементы как поединка Божьего суда, так и рыцарского поединка “до крайности” (*à outrance*). Все современники, каковым бы ни было их отношение к этому новому типу боя, едины в определении места его рождения – Италия, Неаполитанское королевство²⁰. Это далеко не случайно. Неаполитанское королевство в это время стало проходным двором для авантюристов и наемников всех армий, принимавших участие в Итальянских войнах. Автор одного из наиболее популярных дуэльных трактатов, Муцио, так характеризует обстановку в Италии своего времени: “...сегодня дается одно сражение, завтра – другое, сегодня одна армия разбита, завтра другая обращена в бегство: после этого снова и те и другие поднимают людей, чтобы возобновить разрушение страны, бесчисленное истребление людей и великие притеснения невинных...”²¹. В таких условиях приходилось рассчитывать не столько на правосудие, сколько на свои собственные силы, решая любые разногласия силой оружия. Право на дуэль первоначально признавалось не только за дворянами, но и за профессиональными военными – выходцами из простонародья, поскольку понятие “дворянство” не имело ни четких юридических, ни социальных границ. В условиях возрастания роли в обществе и аноблирования городского патрициата и королевских чиновников, дворянство, традиционно связывавшееся в общественном сознании с военной службой (“дворянство шпаги”), делало акцент именно на этой сфере своего существования, дистанцируясь таким образом от “дворянства длинной мантии”. Поэтому лица, сделавшие войну профессией, по своим морально-этическим ценностям и “благородному” образу жизни оказывались дворянству шпаги гораздо ближе, чем чиновники, получавшие дворянство за счет покупки фьефов или занятия аноблирующей должности. Они исповедовали при этом систему ценностей, диаметрально противоположную рыцарским идеалам, служившим своего рода идеологической платформой традиционного дворянства. В дуэли репутация человека чести достигалась не при помощи денег и должностей, а за счет готовности отстаивать честь ценой собственной крови, а то и

¹⁵ *Ibid.* Т. XXVI. P. 202.

¹⁶ Дуэль произошла 10 июля 1547 г., коронация – 25 июля 1547 г.

¹⁷ Henri II “Contre tous les meurdres et assassinements qui se commettent journellement” 15 juillet 1547 // Paris, j. André, non paginé (in-12).

¹⁸ Brantome P. Op. cit. Т. XI. P. 224–225.

¹⁹ *Ibid.* Т. XII. P. 224–225, 226; Clouais J. L'Italie de la Renaissance: un monde en mutation 1378–1494. P., 1993. P. 347–348.

²⁰ Brantome P. Op. cit., Т. XI. P. 110–111, 113; Mutio G. Le combat de Mutio Justinopolitain avec les responses chevalresses. Lyon, 1561. P. 167; Du Pleix S. Les loix militaires touchant le duel. P., 1682. P. 114.

²¹ Mutio G. Op. cit. P. 177.

жизни. В результате она воспринималась как способ решения конфликтов в первую очередь именно между людьми, чья профессия – носить оружие, поскольку путь военного – это начало дворянства.

Первые ордонансы, делающие попытку не столько воспрепятствовать проведению дуэлей в военной среде, сколько поставить их под контроль военачальников, были изданы Джованни Караччиола, принцем Мельфийским в бытность его главнокомандующим французской армии в Пьемонте. К моменту его назначения буйство французских солдат и дворян, служивших в этом районе, вошло в пословицу²². Для армий того времени ежедневные стычки и ссоры, нередко перераставшие в драки с применением оружия, были повседневною и неразрешимой проблемой. Ведь возможность строгого и неукоснительного соблюдения дисциплины была напрямую связана с выплатой жалованья и довольствия, а они производились крайне нерегулярно и не в полном объеме. Кроме того, неизбежный и даже полезный в целом для армии дух гордости за свое знамя и товарищества по оружию, ревнивое соперничество между отдельными полками и отрядами, их командирами, приводили не только к сплочению отдельных частей, становлению в них полковых традиций боевой славы, но и противопоставлению себя остальным полкам. И это противопоставление зачастую принимало форму вооруженных конфликтов. Так, маршал Вьевиль в своих мемуарах пишет, что после осады Меца испанцами французы были настолько воодушевлены своей победой, столь горды своей боевой доблестью, что “ежедневно происходили схватки на шпагах в тавернах или прямо на улицах из-за споров по поводу того, кто из них проявил более доблести и оказал большую службу своему королю: иногда это были капитаны, отстаивающие своих солдат, но чаще всего на этих поединках убивали друг друга солдаты за своих капитанов; за неделю как минимум происходило пять или шесть подобных ссор при полном пренебрежении военной дисциплиной, без уважения, с которым надлежит относиться к оружию, тем более что они находились в приграничном городе”²³. В этих условиях поединок давал выход “пару” и даже в какой-то мере способствовал регулированию конфликтов среди военных со стороны командования: пусть лучше двое дерутся в честном поединке, чем к ним на помощь сбегутся друзья, родственники и земляки. Кроме того, появление таких поединков, регламентировавшихся правилами чести и честного отношения к противнику, давали определенное удовлетворение дворянству. Учтем, что в реальных боевых условиях в войнах XVI в. рыцарский кодекс в конце концов стал полностью игнорироваться и дворянская честь становилась все более и более невостребованной²⁴. Суть ордонанса была следующей: все стычки в лагере были запрещены, с жалобой на обидчика для получения разрешения на поединок следовало

²² Brantome P. Op. cit. T. XI. P. 227.

²³ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. P., 1822. T. XXVI. P. 127.

²⁴ Corvisier A. Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. P., 1976.

обращаться к главнокомандующему. Для поединков было отведено специальное место – высокий и узкий мост над глубокой рекой с быстрым течением: поединок в таком месте был весьма опасен (потеря равновесия и даже самое легкое ранение могли привести к падению в воду с большой высоты – в этом случае даже тело могло достаться рыбам). Это несколько остудило головы и уменьшило количество желающих скрестить клинки²⁵. Позже этот ордонанс был подтвержден и переиздан в Пьемонте французским маршалом Шарлем де Коссе, графом Бри-саком: ослушников ждало наказание через повешение²⁶. В 1550 г. Генрих II издал королевский ордонанс, который регламентировал проведение дуэли во всех французских войсках – по нему поединок мог проводиться исключительно с разрешения полковника²⁷. Позже он был дополнен статьей, по которой солдат или дворянин, без оснований оскорбивший своего собрата по оружию и уличенный в клевете, должен был у позорного столба с непокрытой головой просить прощения у оскорбленного и своего полковника на глазах всего отряда и при развернутом знамени²⁸. Дворяне легко обходили этот ордонанс, проезжая в военный лагерь другого полководца, нередко обращаясь с просьбой на поединок даже к командующему вражеской армии.

Новый вид поединка называли *bataille à la mazza* (“поединок в кустарнике”) или же *bataille en bestes brutes* (“поединок на манер животного”). В первом случае название происходит от неаполитанского названия кустарников, небольших лесков, в которых обычно и происходили эти поединки. Во втором – содержится суть такого боя: драться так, как дерутся дикие звери – до смерти и без пощады. В Италии эти поединки совершались без свидетелей, даже без секундантов, обычно где-нибудь на опушке леса. Никаких доспехов, только шпага и дага (кинжал для левой руки) или же шпага и плащ (капа), никаких судей и свидетелей – только соперники. При этом уже само название поединка предусматривало отказ не только от лишней формальностей и публичности действия, но и от куртуазности и “излишнего” с точки зрения участников благородства²⁹. Затем в моду вошел поединок, в котором дерутся не только участники, но и их секунданты, и ссора между двумя могла породить настоящее сражение, в котором нередко принимало участие до 10 человек с каждой стороны. Правила были весьма жесткими – убийство или тяжелое ранение противника в середине XVI в. было непременно условием дуэли, чему не мало способствовало и развитие искусства фех-

²⁵ Du Pleix S. Les loix militaires touchant le duel. P., 1582. P. 57; Brantome P. Op. cit. T. VI: Discours sur les duels. P. 143.

²⁶ Brantome P. Op. cit. T. XI. P. 228.

²⁷ Recueil général des anciennes lois françaises par Jourdan, Decrusy, Isambert. T. XII: Henry II à Blois en Mars 1550 et à Fontaine-Bleau en Decembre 1550 – De la discipline des bandes de gens de pied et punition des delicts militaires // Ord. de la gendarmerie du Roy. Paris, MDCXV. § XXIII, XXVI.

²⁸ Ibid. § XX, XXII.

²⁹ Brantome P. Op. cit. T. XI. P. 113.

тования, в котором современники видели чуть ли не главную причину распространения дуэлей³⁰.

Действительно, фехтование как искусство, т.е. целостная система, базирующаяся на определенных теоретических знаниях и принципах, стало зарождаться только в конце XV в. Тогда качество и вес клинкового оружия позволяли производить с ним сложные манипуляции и наносить точные удары. Наибольшего уровня развития в XVI в. фехтование достигло в Италии, и итальянские учителя долго считались лучшими и открывали свои фехтовальные залы по всей Европе. Приемы фехтования того времени предназначены были не для обезоруживания противника или легкого его поражения, например, нанесения ему легкого ранения не опасного для жизни и здоровья с последующей незамедлительной остановкой поединка. Удары наносились по жизненно важным органам и конечностям с целью убить или серьезно покалечить противника³¹. Специальное оружие для дуэлей еще не появилось, и на поединке использовали то же оружие, что и на поле боя. Поединок был не игрой, полной условностей и ограничений, а смертельной схваткой, в ходе которой противники прибегали к броскам, болевым приемам и вообще любым способам, позволявшим выжить и победить. Нередкими были случаи, когда на поединке от полученных тяжелых ранений погибали оба противника.

Новый тип поединка был быстро принят и распространился по всей Европе, несмотря на строжайшие запреты церкви, получившие окончательное оформление в виде решений Тридентского собора; католическая церковь видела в дуэли грех убийства и самоубийства, гордыни и гневливости³². Точно таким же запретам раньше подверглись турниры³³, но действовали эти запреты примерно с тем же успехом. Во Франции эти решения Тридентского собора были проигнорированы, поскольку они рассматривались как покушение на суверенные права французских королей. Это, безусловно, сказалось на том размахе, с которым дуэль распространилась именно во Франции, чему способствовало полное бессилие властей в условиях гражданских войн, междоусобиц и Фронды. После окончания Итальянских войн без занятия осталось огромное число дворян и военных, принесших с собой в общество агрессивность и сформировавшийся в военных условиях образ мышления. Дуэль нашла благодатную почву в среде дворянской молодежи, в первую очередь придворной, став поистине массовым явлением. Из ле-

³⁰ *La Noue F. de. Discours politiques et militaires. Basel, 1587. P. 244–245; Pressac, Seigneur de. Le Cleandre ou De l'honneur et de la vaillance. Rouen, 1604. P. 177; Memoires relatifs a l'histoire de France. P., 1822. T. XXIV. P. 29.*

³¹ *Lovino G.-A. Traite d'escrime dedie au roi Henri III. P., 1822. Пояснения к миниатюрам № 1–54; Fabris S. Scienza e pratica d'arme. Leipzig, 1677; Agrippa C. Trattato di scienza d'arme et un dialogo in detta materia Venezia, 1568; La Noue F. de. Discours politiques et militaires. P. 245; Brantome P. Op. cit. T. XI. P. 207, 209–210.*

³² *Billacois F. Op. cit. P. 453.*

³³ *Barber R., Barker J. Les tournois. P., 1989. P. 149–159.*

сов и мест расположения военных отрядов дуэль переместилась на улицы и площади городов, в залы дворцов, включая королевскую резиденцию, в городские предместья. Она быстро вошла в моду как при королевском дворе, так и в провинции. Дрались все начиная от студентов университетов и профессиональных солдат-простолудинов вплоть до дворян и высших титулованных особ. Драться на поединке стало хорошим тоном, участие в дуэли служило способом демонстрации мужества, благородства и чести, средством повысить в обществе свою репутацию. Однако при этом не стоит забывать, что дуэль была большим прогрессом по сравнению с убийством из засады или внезапной стычкой на улице, когда противнику в лучшем случае была предоставлена возможность защищаться, в худшем – его убивали даже не дав обнажить оружие, или подсылали к нему убийц, часто вооруженных огнестрельным оружием. Немало примеров такого рода нарушений дуэльного кодекса можно найти и в более поздние времена. Так, например, в январе 1613 г. шевалье де Гиз убил на поединке одного за другим отца и сына баронов де Люкс: убитому 5 января де Люксу-отцу де Гиз даже не дал возможности обнажить шпагу, сын, желая отомстить убийце отца, послал де Гизу картель, написанный по всем правилам, но тоже был убит, хотя и в честном бою: за оба поединка де Гиз получил королевское прощение³⁴.

Во время религиозных войн число дуэлей особенно резко возрастало в промежутках между боевыми действиями, когда без своего привычного занятия оставалось большое число агрессивно настроенных дворян и военных. Только за 20 лет правления Генриха IV (1589–1610) на дуэлях по разным подсчетам современников было убито от 8 до 12 тыс. дворян³⁵, а современные исследователи доводят эту цифру до 16 тыс.³⁶ За это же время было выдано 7 тыс. королевских прощений участникам дуэлей. Этот существенный источник пополнения казны принес королю около 3 млн ливров золотом³⁷. За время Фронды (1643–1654) по самым скромным подсчетам маршала Франции герцога Антуана III де Грамона было зарегистрировано 940 убитых дуэлянтов³⁸. При этом необходимо помнить, что любые статистические сведения о дуэлях отрывочны и неполны. Поскольку участникам дуэлей грозили суровые наказания, в том числе лишение церковных обрядов над телом погибшего на дуэли и конфискация имущества участников, родственники и друзья были заинтересованы в сокрытии самого факта дуэли; погибшие на поединке нередко представлялись как жертвы нападения грабителей и т.д., соответственно и генеалогия дворянских родов зачастую сильно искажалась. Попытки короля, городских властей и церкви запретить дуэль наталкивались на яростное сопротивление дворян и не имели никакого успеха. Дуэль воспринималась как своего рода форма

³⁴ *Cuenin M. Op. cit. P. 50*

³⁵ *Billacois F. Op. cit. P. 115.*

³⁶ *Corvisier A. La Guerre: essais historiques. P., 1995. P. 44.*

³⁷ *Cuenin M. Op. cit. P. 28.*

³⁸ *Billacois F. Op. cit. P. 116.*

протеста, вызова, обращенного не только к обществу, в котором все большую роль играло дворянство мантии и нувориши из простонародья, но и к королевской власти, лишившей аристократию былой политической и военной независимости, и даже к церкви, для которой дуэль была несовместима с образом жизни христианина. Свое право на дуэль дворяне обосновывали тем, что дела чести не могут рассматриваться обычным гражданским судом в обычном порядке, поскольку судить о чести может только тот, кто наделен ею. Честь дороже жизни, поэтому и оскорбление чести должно наказываться также сурово как убийство. Честь – это личное, индивидуальное качество благородной личности, поэтому и защищать ее дворянин должен сам, не прибегая ни к чьим услугам, за исключением тех случаев, когда оскорблен человек, неспособный носить оружие (женщина, ребенок, старик, калека, священник и т.п.). Весьма опасным для государства было представление о чести и благородстве как о качествах, никоим образом не зависящих от короля. Благородство – духовное качество, а “у короля нет юрисдикции над духом”³⁹. Король может лишить титулов, имущества, своего расположения, лишить дворянства, но он не может своим указом отнять у благородного человека его честь. И наоборот, король своим указом может даровать дворянство, титул, фьеф, богатство, но это не делает этого человека ни истинным дворянином, ни человеком чести. Идея о том, что жизнь дворянина принадлежит королю, душа – Богу, но честь не принадлежит никому кроме него самого, берет свое начало именно в эту эпоху⁴⁰.

Четких дуэльных правил не существовало да и не могло существовать в условиях полного расхождения с общепринятым законодательством. Предписания авторов рыцарских трактатов существовали только в теории, поскольку военный или дворянин, читающий книги был скорее исключением, чем правилом⁴¹. Но в устной традиции исходя из реальной практики постепенно выработался определенный дуэльный кодекс, регулировавший порядок улаживания вопросов чести между дворянами.

Обычно, когда дворянин считал, что его чести, либо чести его близких (каковыми считались родственники, друзья, подчиненные и слуги) нанесен серьезный урон, заслуживающий поединка, он мог послать своему обидчику письменный вызов (картель). В нем излагались причины вызова. Либо эти причины передавались через доверенное лицо – секунданта, порой одновременно дерущегося с секундантом противника. С 70-х годов XVI в. дело все чаще сводится к устной договоренности, а промежуток между вызовом и самой дуэлью сокращается до нескольких минут. Стало считаться, что дуэль, следующая сразу же за оскорблением и вызовом, пока еще не остыли чувства, более благородна и честна,

чем поединок, отложенный на некоторое время. Последнее дает возможность улеяться страстям и воспринимать ситуацию, руководствуясь доводами разума; таким образом это будет уже хладнокровное и осмысленное убийство. Вызов мог быть объявлен и в личной форме. Существовала целая система условных сигналов, при помощи которых демонстрировались враждебные намерения и агрессия: рука, положенная во время разговора на эфес шпаги или рукоять кинжала; движение рукой, имитирующее извлечение даги из ножен; резкое движение в сторону собеседника, подшагивание к нему вплотную, высокомерная манера держаться, сопровождающаяся гордой позой и резким тоном. Аналогичную роль играли и определенные манипуляции с предметами одежды: манера держать шляпу в руке или некоторые движения ею (например, ее поворот пером вперед или назад, шляпа плотно, можно сказать по уши, натянутая на голову), наматывание плаща на левую руку и т.д.⁴² Поводом для вызова всегда становилось обвинение во лжи, но в этом случае вызывающий и вызываемый менялись местами. Иными словами, например, некое лицо обвиняет другое в том, что тот – трус и предатель. Тот отвечает, что первый – лжец. В этом случае вызывать обязан тот, кто начал ссору. Распределение ролей было весьма важным, поскольку по традиции выбор оружия принадлежал вызванному на дуэль, а место и время встречи, как правило, назначал вызывающий. Если вызов передавался дворянином – другом вызывающего, то он автоматически превращался в секунданта и был обязан принять участие в поединке. Одновременно он являлся гарантом чести вызвавшего и безопасности вызываемого, т.е. ручался за то, что в указанном месте противника будет ждать дуэль, а не засада наемных убийц. Так произошло, например, с виконтом Тюренном, которого на месте дуэли вместо его противника де Розана встретила засада наемных убийц. Они нанесли ему 12 ранений своими шпагами и оставили умирать на месте⁴³. Точно так же были убиты кузены Жана де Ла Тайя Цезарь и Сципион де Лангонь, которых на месте дуэли встретил конный отряд сторонников их противников. После этого подлого убийства де ля Тайя превратился в непримиримого противника дуэлей, и стал автором одного из наиболее популярных антидуэльных памфлетов “Discours notables des duels”⁴⁴. Эти случаи происходили настолько часто, что в обществе дуэлянтство стало принятым вызываемому в случае, если вызов передавался в письменном виде через лакея или слугу, или вовсе уклониться от поединка, или же самому назначить место⁴⁵. Выбор оружия мог дать огромное преимущество, поэтому слово “лжец” и обвинение в клевете стало обычным ответом на любые обвинения. Оружие дуэлянтов заранее оговаривалось и согласовывалось, в идеале оно должно было быть абсолютно идентичным

³⁹ Mutio G. Op. cit. P. 144.

⁴⁰ Montluc B. de. Commentaires. Lyon, 1593. T. I. P. 199.

⁴¹ Du Pleix S. Op. cit. P. 196.

⁴² Brantome P. Op. cit. T. VI. P. 299.

⁴³ Ibid. T. XI. P. 134.

⁴⁴ Cuenin M. Op. cit. P. 28.

⁴⁵ Du Pleix S. Op. cit. P. 174.

по своей длине, весу и т.д., но реальная практика отходила от этой установки. Например, о каком равенстве может идти речь, если при одинаковой длине клинков один из противников значительно выше другого (т.е. соответственно его руки длиннее). Поэтому очень многое зависело от умения и ловкости секундантов: сославшись на прецеденты и тонкости правил, они могли настоять на выборе оружия, выгодного для своего поручителя. По свидетельству выдающегося юриста того времени Этьена Паскье, не обошедшего своим вниманием это явление, даже адвокаты не выдумали столько уловок для судебных процессов, сколько хитростей пускают в ход дуэлянты, чтобы выбор оружия принадлежал именно им⁴⁶.

Самым распространенным оружием поединка были шпага и дага. Считалось, что дворянин должен прибегать к тому оружию, которое было при нем в момент вызова и которое он постоянно носил при себе – т.е. к шпаге и кинжалу; только это оружие военные и дворяне имели право носить вне службы и находясь в городе⁴⁷. Однако кинжал мог быть заменен плащом или второй шпагой, или же поединок мог быть только на шпагах или только на кинжалах. Дрались обычно не только без какого-либо защитного вооружения (кольчуга или кираса), но зачастую и без камзолов и колетов, в одних рубашках или обнаженными по пояс, что делало поединок еще более смертельным и ожесточенным. В царствование Карла IX с третьей четверти XVI в. в употребление вошла рапира с длинным и легким клинком, часто пригодная только для нанесения колющих ударов, которая стала основным дуэльным оружием, поскольку дворяне предпочитали умереть от точного удара, оставляющего маленькое отверстие, чем остаться в живых, но стать калекой или ходить обезображенными глубокими и длинными шрамами от рубящих ударов мечом или тяжелой шпагой. Хотя небольшой шрам от легкого ранения, тем более если он был в доступном для публичного обозрения месте (кисть руки или лицо), был весьма престижен в обществе как знак проявленного мужества и дворянской доблести. Желание получить такой шрам, вызывавший чувство зависти у сверстников и привлекавший внимание дам, толкало многих молодых дворян на поиск приключений будь то война или дуэль, неважно даже по какому поводу. Со стороны старых вояк это встречало непонимание: почему пропущенный удар ценится обществом так же или даже больше, чем удар, нанесенный самим?⁴⁸ Не случайно некоторые противники дуэлей в качестве меры, способной существенно снизить число поединков, рекомендовали запретить пользоваться шпагами и рапирами, пригодными для колющих ударов, и применять вместо них широкие и тяжелые мечи, годные исключи-

⁴⁶ Pasquier E. Recherches de la France. P., 1643; L. IV, ch. I. P. 354.

⁴⁷ Fontanon A. Les Edicts et ordonnances. P., 1585. T. II: Francois I en 1532 "De la defense du port des armes". § LXVI. P. 644; T. III. P. 109. § X.

⁴⁸ Brantome P. Op. cit. T. X. P. 52.

тельно для того, чтобы рубить, а также запретить поединки без защитного вооружения: шлемов и лат⁴⁹.

В XVII в. с развитием и совершенствованием огнестрельного оружия (появлением пистолета с колесцовым, позднее кремневым замком) распространяется дуэль на пистолетах, чаще всего между всадниками, но шпага и рапира еще долго являются основным дуэльным оружием. Впрочем, это сильно зависело от национальных традиций и особенностей вооружения.

На ранней стадии развития дуэли в бою кроме оружия допускалось использование бросков и захватов, ударов ногами и руками, но постепенно в норму вошло использование только оружия, поскольку любой удар, при котором "ногти повернуты вниз к земле" бесчестит дворянина и вообще дворянам не пристало драться как каким-то мужланам из простонародья⁵⁰. Крайне подлым приемом считалось бросать в глаза противника горсть земли или засыпать ею рот противника во время борьбы в партере⁵¹.

Излюбленным местом дуэлей были улицы и площади городов, парки и городские предместья, пустыри, например, знаменитый Пре-оклер – пустырь около аббатства Сен-Жермен де Пре в Париже. По мере ужесточения политики властей по отношению к дуэлям, прежде всего Тулузского и Парижского парламентов и городских магистратов, которые все чаще прибегали к суровым наказаниям участникам дуэлей,

⁴⁹ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. P., 1822. T. XXIV. P. 33. Отказ от защитного вооружения и конного боя весьма примечателен. С одной стороны, это сильно демократизировало поединок, поскольку рыцарское защитное вооружение и боевая лошадь были весьма дорогими и могли быть доступны далеко не всем; одна из сторон поединка могла не иметь их или же разориться на их приобретении. Впрочем, это может указывать и на то, что этот вид поединка зародился в кругах, не только не имевших прав на ношение и средств на покупку рыцарских доспехов, но вовсе не носивших защитного вооружения. Например, это большинство солдат пехоты, хотя реально из употребления на войне полный защитный рыцарский доспех вышел только в начале XVII в. С другой стороны, отказ от доспехов делал поединок гораздо более смертоносным. фактически не оставляя участникам возможности выйти из боя без ранений и увечий. Преднамеренный отказ от доспехов можно воспринимать как осознанное желание закончить поединок смертельным исходом. С 70-х годов XVI в. произошла смена фехтовальных школ и дуэльного оружия. Вместо старой техники школ Мароццо, отдававшей предпочтение короткой шпаге и рубящим ударам, большую подвижность бойца с уходом с линии атаки, все большую силу набирают школы Агриппы, Грасси и Виггяни, предпочитавшие технику укола и длинную рапиру. Подобное оружие и техника боя были более пригодны для поединка, поскольку уменьшалась площадь поражения бойца (тело было менее открыто для удара), появилась возможность нанесения предельно точных ударов в жизненноважные органы, но подобные приемы и оружие были абсолютно непригодны в реальных боевых условиях. Не случайно все авторы XVI в. в один голос выступают против нового фехтования, не полезного и даже вредного для воспитания дворянства, а в качестве одного из средств против распространения дуэлей называют возврат к защитному вооружению и рубящим мечам, наносящим тяжелые раны, которые лишают противника возможности продолжать бой, но менее смертоносным, чем рапира, наносящая точный удар прямо в сердце или горло.

⁵⁰ Billacois F. Op. cit. P. 328–329.

⁵¹ Brantome P. Op. cit. T. XI. P. 4.

поединки назначались в укромных местах, вдали от случайных свидетелей. Обычно они происходили днем, порицались ночные дуэли при свете звезд и луны, хотя допускалась дуэль в ночное время в закрытом помещении при свете факелов⁵².

Поводом для самого поединка мог стать даже самый незначительный предлог. Барон Луи де Клермон д'Амбуаз де Бюсси (о нем современники писали, что он готов драться по поводу, который смог бы уместиться на лапке у мухи⁵³) дрался, поспорив о форме узора на драпировке штор; Франсуа де Монморанси-Бутвиль вызвал на дуэль человека только за то, что одна из его знакомых дам назвала того более ловким⁵⁴. Пьер де Брантом писал, что честь дамы следует отстаивать "какой бы шлюхой она ни была"⁵⁵. Дуэли, вызванные соперничеством в любви, чаще всего были заурядной мстостью со стороны отвергнутого претендента, но вызывали на бой и того, кому отдавалось предпочтение в назначении на должность, награждении, в дележе наследства или имущества. Дралась из-за места в церкви, на балу или королевском приеме, поспорив, чья охотничья собака лучше, чьи земли плодородней. Дуэльные правила вполне допускали убийство упавшего или обезоруженного противника. Благородство на дуэли, когда противнику предоставлялась возможность поднять выбитое оружие, стал на ноги после падения или когда победитель оказывал первую медицинскую помощь побежденному, было скорее редким исключением, чем правилом. Если в дуэли участвовали секунданты, то тот, кто уже разделался со своим противником, имел право прийти на помощь своим товарищам.

Победа в поединке должна была быть явной, чтобы избежать любых недоразумений впоследствии. Считалось унизительным не только дать пощадку своему противнику, но и принять такую милость от победителя. Поэтому, как правило, дуэль заканчивалась смертью или тяжелым ранением одного из противников, не позволяющим ему продолжить бой. При этом вовсе не обязательно, чтобы противники были смертельными врагами: дуэль зачастую происходила между друзьями и даже родственниками, без всякой неприязни относившимся друг к другу. Один из противников мог сдаться и признать себя побежденным. Но если даже человек погибал на поединке, то его честь не терпела никакого урона: одно только участие в дуэли являлось доказательством чести, в то время как сдача на милость победителя считалась бесчестьем и позором. Дуэль "до первой крови" или первого ранения имеет более позднее происхождение и, как правило, относится к тем случаям, когда оскорбление было незначительным. Многие авторитеты того времени считали обязательным для победителя забрать оружие своего против-

⁵² Billacois F. Op. cit. P. 104; Brantome P. Op. cit. T. XI. P. 223–224, 236.

⁵³ Brantome P. Op. cit. T. IV. P. 64.

⁵⁴ Billacois F. Op. cit. 262.

⁵⁵ Brantome P. Op. cit. T. XI. P. 85.

ника⁵⁶, особенно если он только ранен или просто признал свое поражение. Это и трофей, свидетельствующий о победе, и гарантия того, что проигравший, в отместку за унижение поражением не воткнет свое оружие вам в спину. Так сделал в 1559 г. Ашон Мурон, племянник маршала Сент-Андре, предательски убивший победившего его в честном поединке капитана Матаса. Капитан, бывший старым воякой, пожалел юнца, выбил у него из рук оружие, и прочитал нотацию о том, что нехорошо нападать на опытных людей, едва умея владеть оружием. Но когда он, повернувшись к противнику спиной, стал садиться на лошадь, тот воткнул ему свою шпагу в спину. Дело замяли, учитывая родство Мулона, а придворные, в том числе и Франсуа де Гиз, не столько порицали предательский удар, сколько возмущались глупостью и неосторожностью капитана⁵⁷. Но обвинение в трусости или предательстве и оскорблении чести дамы могли быть смыты только кровью.

Нередко причиной дуэли становилась дуэль, на которой был убит кто-то из друзей или родственников одного из участников. Эти дуэли отличались наибольшей жесточечностью. Показательной здесь может считаться история барона Вито, которого в среде дуэлянтов прозвали "брильянтом Франции", – он дрался на дуэлях в Испании, Германии, Польше и Англии. Маленького роста, но очень сильный, барон был весьма искусным фехтовальщиком. На его счету были убийства в поединке брата Клермона д'Амбуаза де Бюсси Монтраве, королевских фаворитов Гонельена и Луи Беранже де Га. Гонельен ранее убил младшего брата барона, которому было всего 15 лет, а де Га был заколот всего в полусотне шагов от королевской резиденции в Блуа за то, что поклялся отомстить барону за убийство своего друга барона Милло. Милло был убит бароном Вито за то, что подло и коварно умертвил другого его брата – барона де Тьера. В конце концов Вито все-таки был сражен сыном Милло, вызвавшим на дуэль убийцу своего отца⁵⁸. Подобные династии дуэлянтов были нередкостью. Так, например, сын выжившего во время дуэли миньонов и убившего Келюса Антрагэ, местье де Дюн был убит в августе 1610 г. на дуэли против шеваляе Дезмаре, секундантами которого были два его брата (сам Дезмаре и один из его братьев тоже погибли)⁵⁹.

Распространенность дуэлей сильно зависела от общей политической обстановки в стране: любое ослабление центральной и местной власти либо падение авторитета короля сопровождалось ростом числа дуэлей. Так было во Франции во время религиозных войн, в малолетство Людовика XIII, во времена Фронды. Королевские ордонансы и постановления Парижского парламента против дуэлей и дуэлянтов повторялись фактически из года в год безо всякого успеха – реальной воз-

⁵⁶ Du Pleix S. Op. cit. P. 185.

⁵⁷ Brantome P. Op. cit. T. XI. P. 211.

⁵⁸ Brantome P. Op. cit. T. XI. P. 146–148.

⁵⁹ Journal de l'Estoile pour le regne de Louis XIII. P., 1960. P. 177.

возможности наказать виновных не было. Дворяне игнорировали попытки создать механизм примирения и улаживания конфликтов в вопросах чести путем учреждения суда чести, в состав которого входили бы маршалы, коннетабли и пэры Франции. До 20-х годов XVII в. во французском обществе дискутировался вопрос: запретить дуэли вообще или же ограничить их проведение и разрешать только с позволения короля.

По мере того как государство брало контроль над обществом в целом ужесточались и меры, принимаемые им по отношению к дуэлянтам.

Широкую огласку и отклик в обществе вызвало дело графа Франсуа де Монморанси-Бутвиля, казненного за дуэль на Королевской площади в Париже 12 мая 1627 г. Бутвиль и его двоюродный брат граф де Шапель, выступавший в роли секунданта, дрались против де Беврона и барона Генриха де Клермона д'Амбуаза де Бюсси. Мало того, что дуэль происходила днем на многолюдной городской площади, она состоялась накануне праздника Вознесения. Впрочем, Бутвиль, бывший заправским дуэлянтом, на счету которого с 15-летнего возраста было как минимум 22 дуэли, и ранее демонстрировал полное небрежение законами не только королевства, но и Божьими. В 1624 г. он дрался с графом де Понжибо в день Пасхи, несколько раз он сражался в воскресенье, в том числе и 1 марта 1626 г. – в день, когда король подписал очередной эдикт против дуэлей. При всем этом Бутвиль отличался благородством и почти что ребячеством. Перед дуэлью с Понжибо Бутвиль и его противник, ожидая пока заточат кинжалы, вместе забавлялись прыжками и другими детскими играми; перед дуэлью с графом Форины противники провели ночь под одной крышей и спали на одной кровати, укрывшись одним одеялом. В последнем случае Бутвиль и его противник проявляли взаимное уважение и предрасположенность к дружбе. Впрочем, это не помешало Бутвилю убить Форины, хотя причиной самого поединка была случайная ссора между их друзьями. В дуэли против Ле Контюра Бутвиль не воспользовался падением своего противника, и позже они стали друзьями, а в дуэли с де Люпом он не дал своему секунданту, уже расправившемуся с собственным противником, убить своего, поскольку тот, по его мнению, был очень благородным и храбрым человеком. Так и в день 12 мая 1627 г. Бутвиль, продемонстрировав Беврону свое полное превосходство и добившись его согласия с тем, что Бутвилю ничего не стоит его убить, сказал, что скорее сам предпочтет умереть, и заключил Беврона в свои объятия. Секундант Бутвиля де Шапель тем временем уже убил Бюсси. После дуэли Беврону удалось скрыться, а Бутвиль и де Шапель в скором времени взойшли на эшафот, хотя все дворянство Франции, включая принцев крови, требовало их помилования. Но кардинал Ришелье был неумолим: казнь двух дуэлянтов, принадлежавших к старейшим и знатнейшим дворянским родам, он, по его словам, собирался “перерезать горло дуэли”. Однако эта казнь не дала ожидаемого эффекта, и уже в следующем году при осаде Ля-Рошели дуэль стала ежедневным занятием французских дворян, находившихся в армии.

Положить конец дуэлям не могли ни эдикты короля, ни постановления Парламента, ни запреты католической церкви. Только после окончания Фронды и осуществления Кольбером в 1666–1668 гг. “большого расследования дворянства”, дуэль теряет свой массовый характер, поединки все реже имеют смертельный исход, полностью выходит из употребления обычай секундантов. Этот перелом в отношении дуэли в первую очередь был вызван изменением социальной структуры общества, появлением четких и юридически оформленных границ дворянского сословия, для которого дуэль перестала играть роль действия, подтверждающего социальный статус его участников, исчезает противостояние дворянства шпаги и мантии; только офицерский корпус, где представление о чести офицера базировались на рыцарских идеалах благородства остался верен этой традиции. Лишившись социального содержания, дуэль стала своего рода модным анахронизмом, данью традициям прошлого. Однако дуэль оставила яркий след в общественной и культурной жизни европейской цивилизации; представления о чести, бытовавшие в дворянской среде, оказали влияние на формирование в обществе представления о личном человеческом и мужском достоинстве как о ценности, несовместимой с любыми проявлениями подлости и моральной нечистоплотности, – ценности, которую надлежит отстаивать любой ценой, даже ценой собственной жизни.